

А. В. Флоря

К ВОПРОСУ О РУССКОЙ НЕОЛОГИИ

В статье рассматривается трихотомия “новые / потенциальные / окказиональные слова” и выделяются некоторые специфические виды лексических новообразований в соответствии с системой языка и индивидуальным творчеством писателя.

Более 20 лет назад В. Г. Гак писал о “неологическом буме” в лексике и словотворчестве [3; 37], однако проблема эта в последнее десятилетие приобрела новую актуальность. Во-первых, резко изменяется сама действительность, в оборот вводятся новые реалии, а затем, как следствие, новые слова. Многие из них являются актуализованными маргинальными, т. е. необщепотребительными, лексемами специального характера – терминами (ваучер, харизматический лидер, приватизация и т. п.) или арготическими квазилексемами (беспредел, разборки и т. п.). Иногда новым оказывается “хорошо забытое старое”, когда вместе с реально или виртуально реставрированными и/или в той или иной форме узаконенными институтами прошлого актуализуется и соответствующая лексика (Государственная Дума, дворянское собрание и т. п.). Историзмы переходят в разряд неологизмов.

Во-вторых, публицисты, стремясь отразить, адекватно интерпретировать изменившуюся действительность, широко тиражируют лексику, считавшуюся прежде узкоспециальной, а иногда придумывают собственные слова. В некоторых случаях неологизмы способствуют выражению журналистами своих эмоций по поводу происходящих в обществе процессов (прихватизация, демокрады, плюй-рализм, эсэнгэевский и т. п. – подобная лексика характерна для нереспектабельных “профессионально-оппозиционных” изданий – “Молодой гвардии”, “Завтра” и др.).

В-третьих, литература последнего времени отмечена интенсивными поисками “новых форм” и, следовательно, придумыванием новых слов. Неологизация вообще типична для литературы, но существуют эпохи, когда она активизируется. В наше время этому способствует усиление индивидуализма и даже эгоцентризма литераторов, особенно

тех, которые в недавнем прошлом относились к “анде(р)граунду”. Самовыражение, экспериментаторство становятся для них самоцелью. Здесь воспроизводится вполне универсальная ситуация, находящая ярчайшее выражение в словотворчестве. В 1914 г. И. А. Бодуэн де Куртенэ писал: “Сочинение подобных “слов” я объясняю себе прежде всего беспросветным сумбуром и смешением понятий и по части языка, и по части искусства, сумбуром, насажденным в головах и школьным обучением языку, и безобразиями современной жизни. Кроме того, на этом сочинительстве отражается повальное стремление к самоубийству в той или иной форме (...) Мстят языку за безобразие и ужасы жизни. Наконец, некоторых толкает на этот путь желание чем-нибудь отличиться, заменяя убожество мысли и отсутствие настоящего таланта легким и ничего не стоящим сочинительством новых “слов” [1; 240-241]. Слова ученого транспонируются на нашу действительность практически 1:1. Fin de siecle, конец века, отчасти копирует его начало.

С 50-х гг. в отечественной лингвистике употребляется термин “окказиональное слово” (“окказионализм”) [7], а в 1976 г. вышла фундаментальная монография А. Г. Лыкова “Современная русская лексикология (русское окказиональное слово)”, где, в частности, перечислены дифференциальные признаки последнего: “1) принадлежность к речи, 2) творимость (невоспроизводимость), 3) словообразовательная производность, 4) ненормативность, 5) функциональная одноразовость, 6) экспрессивность, 7) номинативная факультативность, 8) синхронно-диахронная диффузность, 9) индивидуальная принадлежность” [5; 11].

В литературе по данному вопросу традиционно разграничиваются неологизмы и окказионализмы, т. е. просто новые и авторские новые слова. Наиболее важные разли-

чия между ними состоят в следующем. Неологизмы можно метафорически назвать “фольклором” языка, окказионализмы же – его “литературой” в том смысле, что у первых нет “авторов”, как нет конкретных авторов у сказок или народных песен, вторые же, напротив, ярко индивидуальны. Настоящий фольклор не только воспроизводится, его тексты могут варьироваться в зависимости от личности исполнителя, но некое инвариантное ядро всегда сохраняется. Точно так же неологизмы вполне открыты для индивидуального использования: говорящий может употреблять их образно, иронически, вносить в них новые смысловые оттенки, т. е. подвергать их известной “окказионализации”, но не может допустить полной реэтимологизации, при которой слово приобретает совершенно другое значение: в этом случае оно уже станет семантическим окказионализмом. Так, напр., дед Щукарь в “Поднятой целине” был склонен к реэтимологизации непонятных слов (“монополия” – “кабак” и т. п.) и, в частности, “самокритику” трактовал как “самочинную критику”, не знающую снисхождения, границ и приличий. Старика сейчас же поправляют:

- Стой, дед! – решительно прервал его Нагульнов. – Ты не искажай слова, как тебе вздумается! Самокритика – это означает самого себя критиковать, вот что это такое. На колхозном собрании будешь ты выступать, вот тогда и щипай самого себя, как тебе вздумается и за какое угодно место, а пока уймись и сиди смиренно.

- Нет, это ты уймись и критику мою мне обратно в рот не запихивай! – разгорячась, закричал фальцетом дед Щукарь. (...) И чего ради я сам на себя буду наговаривать?

Замечательно, что хотя строптивый старец поставил под сомнение нагульновскую этимологию неологизма “самокритика”, но косвенно пошел на компромисс, отказавшись употреблять это слово и, следовательно, придавать ему произвольное значение. В ситуациях конвенционального словоупотребления говорящий не может доходить до семантической окказиональности – вопреки знаменитой ситуации, обыгранной Л. Кэрроллом¹.

Неологизмы возникают вместе с определенными реалиями, существуют вместе с ними, теряя новизну, а иногда выходят из оборота, становясь историзмами. Типичные неологизмы – “Совнарком”, “колхоз”, “космонавт”. Симптоматично, что эпоха так называемых “реформ” не создала собственной оригинальной лексики, а только вложила новое значение в общеизвестные слова (“перестройка”, “ускорение”, “демократия” – причем в общественном сознании многие из них подверглись энантиосемии, сменив первоначальные значения на противоположные или приобретая негативные коннотации), а также популяризовала термины социологии, философии, по-

литэкономии, как правило, заимствованные. Неологизмы могут носить и неофициальный характер, функционируя на уровне слэнга – напр., “совок” (тип советского обывателя 70-80-х гг.), “фазенда” (ироническое название приусадебного участка) и т. п.

Окказионализмы не обязательно связаны с реалиями определенного общества и/или эпохи, они могут относиться к универсальным вещам и явлениям, своеобразно увиденным и воссозданным творчески мыслящими людьми. Поэтому они обычно не устаревают, как не устаревают универсальные понятия и художественные образы. На вопрос “Свойственна ли окказионализмам “постоянная новизна”?” А. Г. Лыков отвечает, что с течением времени “новизна исчезает, а необычность остается” [5; 35].

Неологизмы создаются по продуктивным моделям (чаще всего это аффиксация или сложение), окказионализмы – чаще по непродуктивным (таковы интерференция слов – примеры из Ф. М. Достоевского: “куцавейка”, “сверливая”, из А. А. Вознесенского: “дисплейбой”, “чучеловече”; голофрастическая аффиксация – у А. В. Суворова – “немогузнайка”, у Е. А. Евтушенко – “какбычегоневышлизм”, у Н. И. Глазкова – “самсебяиздат”). Неологизмы, как и все канонические слова, воспроизводятся, окказионализмы творятся или цитируются.

Неологизмы функционируют как языковые единицы, окказионализмы – как речевые. Последние могут войти в язык, но чаще всего – ценой утраты самого главного в них – “внутренней формы”, своего оригинального значения, ценой банализации [8; 29]. Так, Ф. М. Достоевский ввел в обиход слово “стусеваться”, т. е. постепенно исчезнуть, сойти на нет, как тушь, которую снимают с пера, вода им по бумаге: след все больше бледнеет, пока не про

падает совсем. Заметим, что Достоевскому сочинение данного слова приписывается некорректно. Дело не в том, что, будучи инженером по образованию, Достоевский позаимствовал его из жаргона чертежников (в конце концов, употребление жаргонного слова в метафорическом значении – тоже языковое новаторство), а в том, что слово “стусеваться” в таком же значении было известно и прежде – напр., у П. Я. Чаадаева в “Апологии сумасшедшего” (1837): “Стоит лишь какой-нибудь властной воле высказаться среди нас – и все мнения стусевываются, все верования покоряются и все умы открываются новой мысли, которая предложена им” [10; 158], т. е. все мнения становятся незаметными. Это значение отмечают и современные толковые словари, однако для носителей языка “стусеваться” прежде всего – смутиться. А. Е. Крученых придумал словечки “заумный” и “заумь”: “заумно” то, что лежит за пределами ума, что не понимается рацио-

нально, а постигается интуицией. Мы же называем “заумными” чересчур сложные, “слишком умные” тексты, т. е. актуализуем не собственное крученыховское, а *усредненное* (среднее между авторским и узуальным) значение: “заумный” - “непонятный”. И.-Северянину принадлежит слово “бездарь” с ударением на последнем слоге, означающее совокупность бездарных людей или бездарность как свойство. Последнее, в принципе, может метонимически переходить на носителя этого свойства – на бездарного человека, по аналогии со словом “бездарность” (см. в “Мастере и Маргарите”: “Так вот почему эта бездарность получила роль Луизы!”). И.-Северянин и сам употребляет слово “бездарь” в таком же значении в сонете о Б. Л. Пастернаке, которого именует “потною бездарью”. Сейчас мы практически не употребляем этого слова в другом значении, причем ударение сдвигаем на первый слог. Напр., в стихотворном переложении П. Грушко “Мастера и Маргариты”, сделанном для театра “Сатирикон”, уже упомянутая фраза выглядит следующим образом: “Так вот почему эта бездарь кривляется в роли Луизы!”. Можно привести и другие примеры. Таким образом, многие писатели гордятся, что с их легкой руки в язык вошло какое-то слово, но, строго говоря, оснований для гордости у них немного. Если слово вошло в язык, это чаще всего говорит, как ни парадоксально, не в пользу автора, а именно: его мало читают и плохо помнят – люди забыли, что данное слово на самом деле означает и в каком контексте возникло впервые.

Ученые, стремящиеся к корректности, дихотомию “неологизм/окказионализм” превращают в трихотомию, добавляя термин Г. О. Винокура “потенциальное слово” [2; 327], хотя и не все с этим согласны [6; 15].

Учитывая многообразие авторских словесных новообразований, можно составить следующую их классификацию.

1. *Собственно потенциализмы* – лексемы, которые легко и даже неизбежно создаются по продуктивным моделям данного языка в конкретной ситуации. Такие слова обычно не фиксируются словарями, носители языка могут вообще не знать о них, нигде не встречать их ни в какой форме, но при необходимости безошибочно образуют именно эти лексемы. Так, самка и детеныш кита могут быть только китихой и китенком, а учение Ламарка – ламаркизмом, но мы не найдем этих слов в толковых словарях. Филолог, более тонко чувствующий смысловые оттенки, скажет, что вариант “ламаркианство” тоже возможен, но такое слово скорее всего будет иметь легкую негативную коннотацию. “Ламаркизм” – предпочтительное название для теории гениального ученого и мыслителя Ламарка, “ламаркианством” же мы назовем ту же самую теорию как заблуж-

дение (срав.: “нищестанство”, “бернштейнианство”), хотя во многих случаях отрицательная коннотация отсутствует. Отца и сына Жоффруа де Сент-Илеров можно называть ламаркистами, а Лысенко – ламаркианцем. Итак, язык – даже там, где возможны словообразовательные варианты, – существенно ограничивает нашу свободу выбора, потенциальные слова весьма жестко детерминированы контекстом их возникновения, оттенками семантики.

2. *Потенциальные слова, имеющие номинальных авторов*. Такие лексемы, как “гражданин”, “промышленность”, “партийность”, “образованщина”, созданы соответственно А. Н. Радищевым, Н. М. Карамзиным, В. И. Лениным, А. И. Солженицыным (первые три слова – просто кальки). И. А. Гончаров, А. М. Горький, В. В. Липатов употребляет слова “обломовщина”, “кутузовщина”, “гасиловщина” (первое из них вошло в язык), но Н. В. Гоголь не писал о “маниловщине” или “чичиковщине” – о словах, которые часто употребляются и в связи с его поэмой, и по совершенно другим поводам (“либеральная маниловщина” и т. п.). Все эти слова являются потенциальными, и у них у всех есть авторы (или этих авторов можно установить, как в последних двух случаях). Однако точно такие же слова могли бы придумать многие другие люди. Н. А. Добролюбов мог бы написать статью “Что такое “обломовщина”?”, даже если бы в романе Гончарова такого слова не было бы. В. В. Маяковский мог бы писать стихи о советских “помпадурках”, даже ничего не зная о М. Е. Салтыкове-Щедрине, потому что переосмыслить имя маркизы де Помпадур как контаминицию помпезности и “дурости” в состоянии любой носитель русского языка.

3. *Авторские неологизмы* почти не отличаются от общеязыковых неологизмов, о которых шла речь, – от слов типа “двадцатипятидесятничник”, “комсомолец”, “космонавт” и т. п. Они соответствуют реалиям определенной эпохи, входят в общее употребление, создаются по продуктивным моделям и т. д. но вводят их в оборот не СМИ, а частные лица – писатели, философы и др. люди, претендующие на то, что придуманные ими слова приживутся в языке. Так, придуманное философом Ф. Якоби слово “нигилист” было известно и до И. С. Тургенева (см., напр., знаменитую статью Н. И. Надеждина “Сонмище нигилистов”), но именно автором “Отцов и детей” было узаконено как социальный термин совершенно конкретной эпохи. Н. И. Глазков сочинил слово “самсебяздат”, и оно в сокращенном варианте тоже привилось как название конкретно-исторической реалии.

4. *Авторские новообразования* отличаются от авторских неологизмов тем, что они ближе к окказиональной лексике. Это слова, придуманные писателями для конкретного

контекста по сравнительно продуктивным моделям, но, в отличие от авторских потенциалов (см. пункт 2), требующие известной доли фантазии, своеобразия. Они довольно легко входят в язык, поскольку не противоречат его системе. Таковы “головотяпство” и “благоглупость” М. Е. Салтыкова-Щедрина, уже упомянутые “стусеваются” и “заумный”, а также придуманное А. И. Райкиным словечко “авоська”. Большинство таких слов не обозначает какие-то новые вещи, а более точно или оригинально характеризует общеизвестные.

5. *Системные окказионализмы* – слова не потенциальные, образованные по малопродуктивным моделям (чаще всего это случаи каламбурного и обратного словообразования), но вполне предсказуемые. Так, в переводе Н. М. Демуровой “Алисы в Зазеркалье” встречается “насекомое” “стрекозел”, сочиненное вне зависимости от В. В. Маяковского, у которого есть такое же словечко: переводчица просто не помнила об этом. Сюда же относятся словечки “прихвятизация”, “демокрады”, “мылодрама” (“мыльная опера”), “дикоданс” (дикие танцы), “гертруда” (Герой Труды: Ф. Г. Раневская так называла Ю. А. Завадского, Ю. Поляков пишет о литераторах-“гертрудах” в повести “Апофегей” – вполне возможно, не зная о ситуации с Раневской). Автор этих строк пересказал “Алису в Стране Чудес” и, передавая названия “предметов”, изучаемых в “морской школе” (глава 9), придумал окказионализмы “солжение” и “свинтаксис”, а некоторое время спустя обнаружил их соответственно в пересказах А. Щербакова и В. Орла. Ни о каком плагиате не могло быть и речи. Понятно, что при каламбурном искажении, напр., слов “вычитание” и “морфология” возможны различные варианты, но “солжение” и “синтаксис” не оставляют “пространства для маневра” – если, конечно, требуется придумать именно юмористические слова.

Разновидностью системных окказионализмов часто бывают рэтимологизация общеупотребительных слов. Как бы следуя совету Шалтая-Болтая, писатели-юмористы нередко вкладывают в слово свежий, оригинальный смысл – напр., “краснобай” – “среднеазиатский феодал, сочувствующий коммунизму”. Такие случаи одновременно универсальны и индивидуальны. С одной стороны, любой человек даст именно такую рэтимологизационную трактовку данного слова, русский язык не оставляет нам никаких других вариантов. С другой стороны, оригинальность заключается в самом нахождении подобных слов, допускающих обыгрывание. Следует добавить, что этот прием срабатывает особенно эффектно, когда его поддерживают какие-нибудь фрагменты реальности, в том числе языковой. Юмористическое переосмысление слова “краснобай” оказывается вдвойне остроумным потому, что опи-

рается на известные нам явления и наименования: ведь аристократ, сочувствующий социализму или коммунизму – не такая уж редкость. Известны “красные” графы, князья, лорды (А. де Сен-Симон, П. А. Кропоткин, Ч. П. Сноу, Б. Рассел), отчего не быть “красному баю”? Приведем в этой связи несколько остроумных примеров из “Бестолкового словаря” орского поэта И. Кореня, к сожалению, ныне покойного: БАНДАЖ – сход преступников; БАНКИР – выпивка в банке; БАРДАК – концерт бардов (!); ГОНОРЕЯ – заносчивость (очень удачно это осмысление гордыни как своего рода “срамной болезни” – А. Ф.); ИЗБРАННИК – сборник ругательств (срав. с “изборником”; вполне типичная для современности печатная продукция – А. Ф.); ЛАЙНЕР – скандалист; ОМЕРЗЕНИЕ – минусовая температура”. В некоторых словах эффект производится за счет пересечения обоих значений слова – узуального и окказионального (бардак, гонорея, избранник), в некоторых случаях первоначальное значение полностью вытесняется (бандаж, лайнер). При осмыслении слова “омерзение” верно почувствована этимологическая близость обоих значений.

6. *Собственно окказионализмы* – слова, созданные писателями “по случаю”, как правило, по непродуктивным моделям, малопредсказуемые, вписанные в определенный контекст, практически не входящие в общенациональный язык. С точки зрения семантики, не обязательно представляют собой инновации, обычно их денотаты бывают вневременными. В структуре их значения особой релевантностью обладают изобразительный и эмотивный компоненты. Напр., во фразе В. В. Маяковского “Сливеют губы с холода” нет ничего типичного только для данной эпохи или невозможного с точки зрения физиологии. Семантически оно совершенно обыкновенно – оно только изобразительно и экспрессивно.

Однако не следует думать, что окказионализмам вообще свойственна временная индифферентность. Трудно сказать, существуют ли слова, которые не несут на себе совсем никаких отпечатков эпохи, которая их создала. Кроме того, столь авторитетный словотворец, как В. В. Хлебников, считал, что новые слова создаются не по произволу автора [9; 624]: за ними должны стоять новые значения или оттенки значений. Напр., довольно непрезентабельное образование Е. А. Евтушенко “какбычегоневышлизм”, казалось бы, через недвусмысленную отсылку к А. П. Чехову должен подчеркивать вечный, вневременной характер обывательской трусости: пресловутая “беликовщина” не ушла в прошлое. Однако суффикс – изм. указывает на ее известную трансформацию. Прежде “беликовщина” была просто отвратительным явлением, теперь же она стала мировоз-

зрением, “идеологией” воинствующего меньшинства: это равнодушие и эгоизм, возведенные в принцип. Это уже весьма современный феномен. Придуманная А. А. Вознесенским “алчь” (поэма “Ров”) не просто алчность. Это какая-то античеловеческая подлость, жестокость, патологическое отсутствие стыда – тоже “реалия” 70-80-х гг. Алчность – лишь одно из ее проявлений. “Алчь” просвечивает в “алчности” как ее внутренняя форма, ее первопричина. Слэнгизм Ю. Полякова “апофегей” – не просто контаминация “апофеоза” и “апогея”: если отбросить первую букву, то явственно проступит третий компонент данного окказионализма (правда, слегка искаженный орфографически). Смысл этого компонента – инфантильно-легкое отношение к жизни, глубочайшее равнодушие к тому, о чем говорят в преувеличенно жизне-радостных, жовиально-бравурных тонах (равнодушие к “великим свершениям” и т. п.) – тоже реалия все той же эпохи.

Так что заявление о семантической а-хроничности окказионализмов верно только в грубом приближении к тексту, более тонкий подход требует уточнений.

7. “Заумные” лексемы и квази-лексемы (лексомиды) – о таких случаях пишет и А. Г. Лыков [5; 21-23]. Классическим примером такого рода является фраза Л. В. Щербы “Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка”. Как латынь была “паролем” ученых, так эта конструкция превратилась в “пароль” филологов, особенно закончивших Ленинградский университет. Так, И. Л. Андроников свои воспоминания о Щербе озаглавливает “Кудматая бокра”, не без гордости сообщая, что сакраментальная фраза родилась у него на глазах и что “глокая куздра” появилась потом, а сначала была именно “кудматая бокра” (заглавие в данном случае символизирует общую установку – в общем весьма художественных – рассказов Андроникова на реставрацию прошлого в его изначальном виде). Л. В. Зубова [4] приводит примеры введения постмодернистами с филологическим образованием “глокой куздры” в свои произведения (“как символа смысла в бессмыслице”). Напр., у С. Бирюкова:

вздрагивают ноздри
глокая куздра прогуливается
семантически
(...)
глокая куздра уже будланула
безмолвие нашего слуха
(...)
куздренком ощутил себя
надвигалась Глокая Куздра.

Пристрастие к этой фразе проявляется и на бытовом уровне – в слэнге филологов. Помимо важного лингвофилософского значения (иллюстрирование роли грамматической формы в языке), конструкция Щербы обладает еще и ludic (игровой) функцией. Есть такого рода квази-лексемы и в фольклоре, и в литературе (особенно детской или “заумной” – у футуристов, обэриутов и др.), известны сказки-нонсенсы Л. С. Петрушевской (“Сяпала калуша с калушатами” и т. д.), русские переводы и переделки Л. Кэрролла. Немало остроумных изобретений такого рода можно найти у русских кэрроллианцев, напр., в сказках лингвиста Е. В. Клюева, где встречаются такие диковинные персонажи, как Шармен, Бон Жуан, т. е. хороший Жуан, в отличие от “плохого” Дон Жуана, Пластилин Мира, Смежная Королева, Тупой Рыцарь, Соловий (птица с веками до земли) и т. п. Многие из них обладают только языковым бытием, поскольку никаких реальных денотатов за этими наименованиями нет и быть не может. Автор материализует разнообразные философские и филологические феномены, ведя языковую игру.

Таким образом, неологические отношения в речи не ограничиваются трихотомией “неологизмы – потенциализмы – окказионализмы”, хотя и основываются на ней. Диапазон новообразований достаточно широк, вплоть до той ступени, деформации, когда лексемы перестают быть таковыми. Однако и на этой стадии смысл не утрачивается, более того – именно в “заумной” квази-лексике языковая системность – через грамматическую семантику – максимально активизируется.

Список использованной литературы

1. Бодуэн де Куртэнэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. – М., 1963. – Т. 2.
2. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.
3. Гак В. Г. О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов. – Л., 1978.
4. Зубова Л. В. Лингвистика поэтов постмодернизма. Рукопись статьи.
5. Лыков А. Г. Современная русская лексикография (русское окказиональное слово). – М., 1976.
6. Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. – Ростов-на-Дону, 1986.
7. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4.
8. Флоря А. В. О природе окказиональных слов // Вопросы русского языка и методика его преподавания. – Орск, 1996.
9. Хлебников В. В. Творения. – М., 1987.
10. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. – М., 1989.

Статья поступила в редакцию 01.06.2000г.